

An illustration of a young woman with long, wavy brown hair, wearing a red sweater, sitting at a wooden desk. She is looking down, focused on writing in an open notebook with a black pen. The scene is set by a large window with a black frame, looking out onto a city street with multi-story buildings and parked cars. The lighting is warm and golden, suggesting late afternoon or early morning. The overall style is a soft, painterly illustration.

Сны, которые
нас предали

Асия Миш

Асия Миш

Сны, которые нас предали

«Автор»

2026

Миш А.

Сны, которые нас предали / А. Миш — «Автор», 2026

Каждую ночь Алиса проваливается в идеальную реальность. Там она не одна: её ждёт Дэмиан. В его глазах хочется утонуть, а от голоса перехватывает дыхание. Эти сны настолько живые, что утром Алиса просыпается с тоской от разлуки. Однажды Алиса сталкивается с Дэмианом на выставке. Вживую. Судьба преподнесла девушке фантастический подарок и Алиса погружается с головой в реальные чувства. Но Алиса не знает о страшном секрете своего идеального мужчины. В будущем ей придётся сделать сложный выбор и понять: была ли ее любовь настоящей или это лишь отражение ее одиночества?

© Миш А., 2026

© Автор, 2026

Асия Миш

Сны, которые нас предали

Глава 1

Алиса проснулась от того, что кто-то позвал её по имени.

Голос был тихим, далёким, но очень настойчивым. Она открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, где находится. Потолок был белый, с одной трещиной, похожей на молнию. Не тот, что она видела пару минут назад — высокий, с лепниной.

Она моргнула, но её серо-зеленые глаза оставались мутными. Трещина никуда не делась. — Чёрт, — выдохнула Алиса и села.

Реальность возвращалась медленно, неохотно, как кошка, которую тащат с обогревателя. Сначала она почувствовала холодный пол под босыми ногами. Потом — тяжесть в голове, с которой она просыпалась каждое утро. Потом — запах старого ковра и несвежего кофе, которое Алиса не допила вчера.

А где-то там, внутри, ещё теплится то, другое. Солнце на лице. Ветер, пахнувший солью и водорослями. Длинная дорога, уходящая к морю, и ощущение, что можно идти по ней вечно.

Алиса закрыла глаза, пытаясь удержать картинку, но она уже таяла, как дым. Осталось только чувство — щемящее, сладкое, невозможное. Чувство, что там, во сне, она была счастлива.

Экран телефона, лежащего на прикроватной тумбе, мигнул. На часах 13:14. Три сообщения от заказчицы. Одно от Кати. Ноль от мамы. Алиса не стала читать. Она заранее знала, кто и что написал. Правки, сроки, недовольство. От Кати — «ты жива?». От матери — тишина, которая длилась уже пару месяцев.

Она встала, натянула старый растянутый свитер, который нелепо висел на её худом теле. Убирая свои русые волосы в небрежный пучок, Алиса побрела на кухню. Каждое утро одно и то же: чайник, растворимый кофе, две ложки сахара. Алиса смотрела на пар, поднимающийся над кружкой, и не могла понять, почему здесь, наяву, всё такое тусклое.

— Так нельзя, — сказала она себе, — ты не можешь просыпаться каждое утро и сравнивать.

Но она могла. И сравнивала. Каждое утро уж сколько? Год? Два? С тех пор как сны стали слишком яркими.

Врач в поликлинике, на двери кабинета которого висела табличка «невролог», сказал, что это называется «гиперреалистичные сновидения». Что это не опасно. Что просто её мозг слишком активно работает в фазе быстрого сна. Что можно вести дневник снов, пить магний, не есть на ночь тяжёлую пищу и больше гулять.

Он говорил, а Алиса смотрела на его руки — аккуратные, с коротко стриженными ногтями, — и думала: он не понимает. Он не просыпался с ощущением, что прожил ещё одну жизнь. Что был там, где всё настоящее — цвета, звуки, запахи. А здесь — только дешёвый растворимый кофе и счета, которые нужно оплатить до пятнадцатого числа.

Дневник снов она вела ровно три дня. Потом перестала, потому что записывать было больно и страшно. Когда слова ложились на бумагу, сны переставали быть фантазией её уставшего мозга. Они становились чем-то большим. Не просто выдумкой, а воспоминаниями.

Алиса сделала глоток. Кофе пах чем-то химическим, слишком резким. Во сне она пила капучино из аккуратной белоснежной чашки в маленькой кофейне на набережной. Она помнила его вкус до сих пор.

Она поставила кружку в мойку и прошла в комнату. На столе ждал планшет с вчерашним наброском — обложка для книжной серии. Заказчица, женщина средних лет с голосом уставшей учительницы, прислала короткое техническое задание: «Изображение должно быть лёгкое, воздушное, с намёком на романтику. Героиня должна смотреть вдаль с надеждой».

Алиса посмотрела на свой набросок. Девушка стояла на фоне тёмного леса. Лес давил, нависал, почти поглощал фигуру. Надежды не было. Была только тоска и всепоглощающий ужас. Она стерла всё и открыла чистый лист. Белый. Пустой. Как тот потолок, который ей снился? Нет. Тот был другой — высокий, с лепниной.

Алиса закрыла глаза, пытаясь вспомнить. Небо. Море. Дорога. Она шла по ней, и ветер дул в спину, и было тепло — не по-октябрьски тепло, а по-летнему, когда воздух становится густым и медленным. Она открыла глаза и взяла стилус. Быстро, не давая себе времени на раздумья, набросала линию горизонта. Море. Дорогу, уходящую вдаль. Фигуру девушки, которая идёт, не оборачиваясь.

Получилось. На этот раз получилось. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на рисунок. Он был совсем не таким, как просила заказчица. Слишком одиноким. Но в нём было то самое чувство — то, с которым она проснулась сегодня утром. Счастье, которое уже закончилось.

Алиса сохранила файл, убрала планшет и подошла к окну. За стеклом был обычный город. Октябрь размазал краски, превратив мир в палитру художника. Люди спешили по своим делам, кутаясь в воротники. У них была работа, планы, ипотеки, мужья, жёны, дети, походы в супермаркет по воскресеньям.

У Алисы были сны. И она уже начинала ждать ночи.

В прихожей запиликал домофон. Алиса вздрогнула, оторвалась от окна, пошла открывать:

– Кто там?

– Почтальон Печкин, — раздался из динамика весёлый голос. — Принесла тебе жизнь, свежий воздух и укор за то, что ты сутки не выходила на связь.

Алиса нажала кнопку открытия двери и прислонилась лбом к косяку.

Катя ворвалась в квартиру с шумом, запахом мокрой листвы и огромным пакетом из пекарни. Она была полной противоположностью Алисы — яркая, громкая, с короткими волосоми цвета медный блонд и веснушками, которые летом становились ещё заметнее. Сейчас, в октябре, они чуть побледнели, но всё равно делали её лицо живым и тёплым.

– Я так и знала, — сказала Катя, с порога оглядывая подругу. — Ты опять не ела. Опять рисовала всю ночь? У тебя вид, как у персонажа из ужастика, который сейчас выпьет чай и пойдёт убивать.

– Спасибо, — сказала Алиса. — Ты настоящий друг.

– Я знаю, — Катя скинула пальто на стул, прошла на кухню, загремела чашками. — Садись. Будем завтракать нормальной едой. А то ты питаешься одним воздухом и мерзким кофе. После этого пойдём гулять. Даже не спорь.

Алиса послушно села. Катя поставила перед ней пирог с курицей и стаканчик с кофе — из зёрен, который принесла с собой, — и устроилась напротив.

– Что случилось? — спросила она, глядя Алисе прямо в глаза. — И не говори «ничего». Я знаю тебя двадцать лет. Ты выглядишь так, будто вчера похоронила кого-то.

Алиса взяла пирог, отломил кусочек, положила в рот. Жевать не хотелось. Но Катя смотрела, поэтому пришлось.

– Просто не выспалась, — сказала она.

– Алиса.

– Правда.

– Ты всегда не высыпаешься. Но в последнее время ты стала другой. То улыбаешься без повода, то ходишь как в воду опущенная. Что происходит?

Алиса молчала. Она смотрела пустым взглядом на стакан и думала: сказать или нет?

Катя была её подругой с детства. Они учились в одной школе, потом в одном институте (Катя на журналистике, Алиса на дизайне), делили квартиру на первом курсе, пока Катя не съехалась с парнем. Катя знала о ней всё — кроме снов.

Алиса никогда не рассказывала про сны. Сначала потому, что боялась, что её не поймут. Потом боялась, что поймут слишком хорошо и отправят к психологу. А потом просто привыкла молчать.

Но сейчас Катя смотрела на неё с тревогой, и молчать было тяжело.

– Мне снятся странные сны, — сказала Алиса тихо. — Очень яркие и детализированные. Я чувствую всё: температуру, запахи, вкусы. Я как будто проживаю вторую жизнь. Когда просыпаюсь — и не могу понять, где реальность.

Катя молчала, переваривая услышанное, а потом спросила:

– И давно это?

– С детства. Но в последние месяцы сны стали длиннее. Как будто я проживаю там целые дни. Иногда мне кажется, что я там счастливее, чем здесь.

Она сказала это и тут же пожалела. Катя отставила кружку и подалась вперёд.

– Алиса, это — Катя запнулась, подбирая слова. — Ты говорила с врачом?

– С неврологом. Он сказал, что это не опасно. Гиперреалистичные сновидения. Можно пить витамины, травки и вести дневник.

– И ты ведёшь?

– Нет.

– Почему?

Алиса пожала плечами.

– Потому что тогда они становятся слишком реальными.

Катя помолчала. Она смотрела на подругу, и в её взгляде было что-то, чего Алиса не могла разобрать. Может быть, страх. Может быть, волнение.

– Лис, — сказала Катя медленно. — Ты понимаешь, что это не нормально? Что нельзя жить от сна до сна?

– Я так не живу.

– Живёшь. Ты только что сама сказала, что там счастливее.

Алиса хотела возразить, но не нашла слов. Потому что это была правда.

Катя вздохнула, потерла лицо руками.

– Слушай, — сказала она, — я не психолог. Я даже не очень хороший друг, потому что сейчас скажу грубую вещь. Но я скажу, потому что люблю тебя. Тебе нужно выходить из дома. Тебе нужно общаться с живыми людьми, а не с теми, кого придумывает твой мозг во сне. Ты сидишь в четырёх стенах, рисуешь эти свои обложки, не ешь, не спишь нормально. И твой мозг компенсирует это тем, что создаёт тебе параллельную реальность. Но это не выход.

– Я знаю.

– Знаешь, но ничего не делаешь.

Алиса стыдливо молчала. Катя была права. Она всегда была права в таких вещах — грубая, прямая, но всегда по делу.

– Я боюсь, — сказала Алиса тихо.

– Чего?

– Что если я перестану видеть сны, то останусь совсем одна. Что там, по крайней мере, есть что-то. А здесь — она обвела рукой кухню, старые обои, невымытую кружку в мойке, — здесь ничего.

Катя посмотрела на неё долгим взглядом. Потом встала, обошла стол и обняла. Крепко, по-настоящему, как умела только она.

– У тебя есть я, — сказала Катя, не переставая прижимать подругу к себе. — Ты не одна. Даже когда тебе кажется, что никого нет, есть я. Запомни это.

Алиса кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком.

– А теперь слушай сюда, — Катя отстранилась, взяла Алису за плечи и заглянула в глаза. — Сегодня мы идём в кино. Завтра — в музей. Потом ещё на выставку, куда меня пригласила редактор. Я буду вытаскивать тебя из этой квартиры каждый день, пока ты не перестанешь ждать ночи. И никаких «не хочу». Поняла?

– Поняла.

Катя удовлетворённо кивнула, вернулась на своё место и снова взяла кофе.

– А теперь расскажи, что за обложку ты там рисуешь, что заказчица уже третий раз звонит?

Алиса улыбнулась впервые за этот день.

– Хочет «лёгкое и воздушное». А у меня получается только тоска.

– Покажи.

Алиса принесла планшет, открыла набросок с дорогой к морю. Катя посмотрела, присвистнула.

– Это не тоска, Лис, я не знаю, как назвать. Но это красиво.

– Заказчица скажет, что слишком мрачно.

– Ну и пусть. Ты художник — ты так видишь. А теперь одевайся. Мы идём в кино. Через полчаса сеанс, надо успеть.

– А во сколько? — Алиса посмотрела на часы.

– В шесть.

– Но сейчас только три.

– Значит, у нас есть три часа, чтобы привести тебя в человеческий вид. Когда ты последний раз мыла голову?

Алиса провела рукой по волосам и не нашлась с ответом.

– Вот то-то, — Катя взяла её за руку и потащила в ванную. — Идём. Я покажу тебе, что такое жизнь наяву.

Они возились с волосами, с макияжем (Катя заставила), с выбором одежды (Алиса хотела надеть старый свитер, Катя сказала «ни за что»). К пяти часам Алиса стояла перед зеркалом и не узнавала себя.

– Вот и отлично, — сказала Катя, оглядывая результат. — Можно жить.

– Я похожа на себя?

– Ты похожа на ту, которая не спит по ночам и рисует тоску. А должна быть той, которая выходит в люди и живёт настоящую жизнь. Пошли.

Они вышли на улицу, и холодный ветер ударил в лицо, разогнал остатки сна. Алиса глубоко вдохнула. Пахло мокрым асфальтом, бензином и осенью. Катя болтала о чём-то своём, о работе, о том, что пора менять профессию, пока не поздно.